

Валерий
Попов

ПЕТЕРБУРГ:
ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Мой НЕВСКИЙ

Прогулка по главному проспекту

Петербург: тайны, мифы, легенды

Валерий Попов

**Мой Невский. Прогулка
по главному проспекту**

«Страта»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Попов В. Г.

Мой Невский. Прогулка по главному проспекту / В. Г. Попов —
«Страта», 2018 — (Петербург: тайны, мифы, легенды)

ISBN 978-5-6040989-9-8

На Невском проспекте с литературой так или иначе связано множество домов. Немало из литературной жизни Петербурга автор успел пережить, порой участвовал в этой жизни весьма активно, а если с кем и не встретился, то знал и любил заочно, поэтому ему есть о чем рассказать. Вы узнаете из первых уст о жизни главного городского проспекта со времен пятидесятих годов прошлого века до наших дней, повстречаетесь на страницах книги с личностями, составившими цвет российской литературы: Крыловым, Дельвигом, Одоевским, Тютчевым и Гоголем, Пушкиным и Лермонтовым, Набоковым, Гумилевым, Зощенко, Довлатовым, Бродским, Битовым. Жизнь каждого из них была связана с Невским проспектом, а Валерий Попов с упоением рассказывает о литературном портрете города, составленном из лиц его знаменитых обитателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6040989-9-8

© Попов В. Г., 2018
© Страта, 2018

Содержание

Московский вокзал	6
Зеркало эпох	7
Памятник нашей эпохи	10
На краю бездны	12
Вокзал спасал	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерий Попов

Мой Невский. Прогулка по главному проспекту

© Попов В. Г., текст, 2018

© ООО «Страта», 2018

* * *

*Невский проспект – витрина моей жизни.
Именно здесь я вижу себя в самые яркие, решающие моменты моей
жизни.
Вот я совсем юный, а вот... Но начнем не спеша.*

Московский вокзал

Как и для многих, для меня Питер начался с вокзала. Я, можно сказать, родился здесь! Верней – здесь произошло то, благодаря чему у меня появился шанс возникнуть в этом мире. Отец, после окончания саратовского сельхозинститута, поработав агрономом в казахстанской степи, приехал сюда поступать в аспирантуру к Вавилову, во Всесоюзный институт растениеводства.

До приема оставался еще месяц, отец грузил вагоны, голодал, потом в отчаянии решил вернуться в Саратов. Но в день отъезда почему-то уговорил друга съездить в Петергоф – посмотреть на знаменитые фонтаны, в результате они опоздали на поезд. Отец говорил, что буквально сантиметр отделял его руку от поручня последнего вагона. Но – не достал, и именно в этом промежутке зародилась моя душа. Уехал бы он отсюда – и все бы сложилось иначе, и не появился бы я!

Каждый раз, когда я уезжаю в Москву или возвращаюсь, с волнением вспоминаю об этом и озираюсь вокруг. На какой платформе мне был подарен тот шанс? Еще совсем недавно отец мог бы мне это показать, но время утекло, теперь он уже этого не покажет. Раньше здесь пахло паровозным дымом, потом почти так же пахло печками из вагонов, теперь не пахнет ничем. Солидная публика идет вдоль ярко освещенной «Красной стрелы», потом с торжественной музыкой та отплывает, и буйная молодежь по темным боковым платформам мчится к тусклым плацкартным поездкам. Больше я люблю ездить как раз на таких. Молодежь и старики в бедных вагонах гораздо говорливее и откровеннее, чем вежливая, но необщительная солидная публика.

И когда я прохожу по платформе, думаю: а ведь будет когда-то раз, который окажется последним? Может, вот этот мой проход и есть последний? С годами такая мысль появляется все чаще. И вокзал этот видит, как я меняюсь с годами. Но меняется и он.

Зеркало эпох

Родители выгрузили меня здесь из вагона в сорок шестом, мы поехали к нашему дому в кузове грузовика. Несколько домов вокруг были разрушены. Первое, что я увидел в этом городе, – площадь. Первый знак. Эта площадь, открывающая Ленинград, неоднократно меняла свой облик и на моей памяти, и – до меня.

Образовалась она случайно. Как часто это в России – по ошибке, но в результате – удачно. Никакой площади не планировалось. В этой точке должна была сойтись прямая, как стрела, Невская перспектива, которую прокладывали со стороны Александро-Невской лавры монахи, а со стороны Адмиралтейства – государевы люди. Не сошлось! Получилось криво. Насквозь, по прямой, перспектива не просматривалась. Говорят, на этом самом месте по приказу Петра высекли монахов, – виноватыми, естественно, оказались они. Этот миф может быть и вымыслом, но довольно точно передает «стиль» неукротимого Петра.

Но ошибка, как это случается, оказалось гениальной. Именно это место стало на редкость удачным для строительства Московского вокзала, с которого для многих теперь и начинается город.

Сначала, как это было принято, здесь в 1804 году построили церковь, которая стала называться Знаменской, так же стали звать и площадь. Затем, к 1851 году, по проекту архитектора Константина Тона (того самого, автора знаменитого Храма Христа Спасителя в Москве) здесь возвели Николаевский вокзал железной дороги, соединившей Петербург с Москвой, и значение этой площади в Петербурге возросло многократно. Именно по ней сразу судят о переменах в нашем городе.

И действительно, почему-то именно здесь наиболее резко отражаются перемены и в городе, и в обществе. Другие петербургские места сохраняются веками, а это меняется как-то слишком торопливо. Может – чтоб угодить высоким гостям из Москвы, показать «динамизм» нашего города? Но здесь он проявляется как-то чрезмерно. Слава богу, что только здесь. Свой облик эта площадь меняла то и дело, словно снимая-надевая разные шапки.

В 1909 году здесь поставили мощный, приземистый конный памятник Александру III, самому, пожалуй, талантливому русскому царю после Петра I. Именно при Александре Россия совершила небывалый скачок, стала мировой экономической державой, а улицы нашего города, застроенные высокими домами, приобрели тот вид, которым мы наслаждаемся до сих пор.

Однако русское общество, сверху донизу, всегда почему-то жаждет перемен, не слишком просчитывая их последствия. Главное – чтобы не было, как сейчас! Вся нетерпимость нашего общества, весь сарказм и ирония, с которой принято воспринимать «расейскую жисть», обрушились не только на самого Александра III, но и на его памятник. Ходила такая загадка:

На площади комод,
На комодe – бегемот,
На бегемоте – обормот,
На обормоте шапка,
На шапке крест,
Кто угадает —
Того под арест...

Теперь ясно, что Александр III точно был замечательным императором, при нем Россия не воевала, благоденствовала, развивалась. А памятник ему просто гениален! Великое творение Паоло Трубецкого! В этом можно убедиться, поглядев теперь на памятник во дворе Мраморного дворца на Неве, где он стоит на высоком пьедестале, который раньше занимал броневичок Ленина. Плечистый Александр восседает на мощном битюге, в казачьей форме. Какая сила в этом всаднике, и главное – уверенность, стабильность. Не мчаться куда-то, сломя голову, как мчатся другие более популярные всадники, а стоять на том, что есть – вот идея памятника, столь не симпатичная революционерам всех времен.

Им главное – перемены. Любой ценой! Ломать – не строить. И в 1937 году одним из «питерских ссыльных» оказался памятник Александру – его убрали с площади. И много десятилетий он томился во дворе Русского музея, где его можно было увидеть через щель, замирая при этом от сознания, что видишь запретное. Таковы «завороты» нашей истории. Убрали памятник царю, символ стабильности – и замелькали перемены, перемены без смысла, перемены ради перемен.

Знаменскую церковь, своим приземистым византийским силуэтом венчавшую площадь и некогда гармонировавшую с мощным памятником царю, которого не стало, долгое время спасало лишь то, что ее часто посещал великий физиолог Иван Петрович Павлов, первый русский нобелевский лауреат, который, кроме всего, позволял себе открыто молиться в эпоху воинствующего атеизма и открыто носить царские награды. Были люди!

Его знаменитые опыты в институте в Колтушах под Питером, определение условного и безусловного рефлексов принесли ему мировую славу. Он жил просто, ненавидел барственность и лень, и после дня напряженной работы играл с простыми жителями Колтушей в городки, славясь метким, хлестким ударом – но он умел использовать свои чины и заслуги там, где это было необходимо, понимал свою роль защитника вечных ценностей и смело шел, куда надо, надев новые ордена, но не снимая и царских. Больше таких защитников у нашего города не было, город начал менять свои лики, как в дурном сне. После смерти великого Павлова Знаменскую церковь сразу же закрыли, а перед войной – снесли.

Памятник нашей эпохи

Площадь долго пустовала, как бы символизируя и пустоту нашей идеологии. Замечательно уже то, что здесь не поставили памятник Ленину. Может быть, потому, что уже стоит монумент вождя у Финляндского вокзала. Вполне, кстати, удачный памятник тем временам, когда Ленин вернулся из эмиграции, был встречен революционной толпой и говорил зажигательную речь с броневика. Было такое в нашей истории, и утверждать, что в ней благодушествовали лишь графы и банкиры, в корне неверно и даже опасно. Пусть стоит Ленин на рабочей Выборгской стороне и говорит всем, что надо помнить всю историю, а не только любимые ее куски. Но на Знаменской площади, получившей в советские времена несколько беспокойное название – площадь Восстания – монумент вождя так и не появился. Грозный Александр III, хоть и изгнанный, не позволял?..

Но свято место не должно быть пусто. Чем-то все же люди живут, и всегда есть таланты и герои. Радостным было появление на площади станции первой линии метро. И архитектура этой станции показала, что таланты существуют всегда – станция хороша, как внизу, под землей, так и наверху. И что-то в ее силуэте напоминает снесенную Знаменскую церковь. Не дай бог, надумают сносить и павильон метро на каком-нибудь новом крутом выраже истории. Вершить новую историю, снося старое, охотников много!

Такая опасность сейчас грозит установленному в центре площади в 1985 году, в расцвете застоя, монументу в честь 40-летия Победы. Насмешливая и не меняющаяся с переменной властей «передовая общественность» встретила тот монумент с не меньшей иронией, чем был встречен стоявший на том месте памятник Александру. Конечно, и я, в составе передовой части общества, иронизировал по поводу этой «гранитной стамески», испортившей, как утверждали тогда, всю перспективу Невского. Многие запальчиво требовали убрать ее. Действительно – такому ли топорному монументу завершать пленительную панораму Невского, самого красивого в мире проспекта?.. Поставили!

Ясное дело – каждая власть должна отметиться, чтобы ее не забыли, и что-то изменить в городе. Какая власть – такая и отметка: кол! Но через несколько десятилетий, когда стелу захотели снести, а площадь отдать коммерсантам (для подземных парковок, супермаркетов), «стамеску» вдруг стало жалко. Что ли, не было у нас Отечественной войны, блокады – ведь в память о них стела и поставлена? И что ли, не было у нас многолетнего застоя, характерным памятником которому торчит сей монумент? Что ли, не жили мы тогда? Ругались, конечно – но надо ли даже такую память – выкидывать? Раз была такая эпоха – пусть и памятник ей стоит.

Нельзя менять до неузнаваемости облик городов – никакими инновациями и инвестициями это нельзя оправдать. И особенно нам дорога эта площадь! Сколько волнений связано с ней у каждого горожанина! Сколько раз каждый из нас уезжал с Московского вокзала по самым важным делам, и прощаясь с родным городом, не имея перед глазами больше ничего, расставался в последнюю очередь именно с этой «стамеской», ставшей постепенно родной. Выкинуть ее вместе с большим куском нашей жизни?..

На краю бездны

Я помню, когда уже не было памятника Александру III и еще не стояла «стамеска», вокзал и его окрестности казались смутно опасными и страшно притягательными. Литовского канала наше поколение уже не видело, а вот саму Лиговку в махровом ее цветущем – помню, и еще как! Помню, как, школьником еще, преодолевал последние жуткие метры, отделяющие мою выверенную школьную и домашнюю жизнь от жизни темной, рискованной, манящей. И страшные, синюшные, вневозрастные жрицы любви, возникающие вдруг из тьмы и, естественно, не замечающие робкого подростка, вовсе не были целью, концом этого захватывающего дух путешествия. Скорее, воспринимались они лишь «маяками» при входе в опасный, мутный и бесконечный пролив.

Моего друга Трошкина туда засосало. А ведь как он пел! Помню, как наша «классная» – Марья Сергеевна – слушает его, в счастье и в слезах, утираясь платочком, чувствуя и его талант, и неизбежную гибель. Таких «опасных детей» в послевоенной школе было большинство – но Трошкина я запомнил особенно ярко. Я, сын научных работников, на Лиговке не реализовался, и потому не погиб в малолетстве, но как тянуло меня туда! Однажды коренастые урки в знаменитых тогда серых мохнатых «лондонках», фирменном головном уборе блатных, перегородили мне дорогу, свалили с велосипеда и долго, гогоча, гоняли на моем велике – а потом вдруг кинули мне его: «Да возьми ты!» И я был – представьте себе – в восторге от их благородства. В те темные времена дворовые легенды о бесстрашных и благородных блатных действовали гораздо сильнее, чем школьные проповеди.

И я-таки прошелся по Лиговке! У нас в доме на первом этаже жил Сережка Архиереев, который, как и Трошкин, сочетал яркий талант с опасными наклонностями. Талант его был радиотехнический, и помню, как я с ранним чувственным восторгом любовался матовыми изгибами алюминиевого шасси, ярко-красными и сочно-зелеными цилиндриками емкостей и сопротивлений на серебряных ножках, соединяющих те цилиндрики в дивный узор, вдыхал аромат янтарной канифоли, в которой медленно тонуло жало паяльника, с упоением следил за зеркальными и тускнеющими на глазах каплями олова на спайке.

Но все эти радости было положено... воровать. Может, поэтому и воспринималось так остро? В самом опасном месте Лиговки, на берегу Обводного, кишела барахолка. Мы ехали туда на скрипучем трамвае, рассредоточась по всему вагону, каждый подчеркнуто отдельно, скрывая, что мы одна шайка. Теперь я понимаю, что именно по нашему поведению было видно, что мы шайка и есть. Но тогда мы гордились нашей конспирацией и вдохновенно соблюдали ее – иногда только многозначительно переглядывались.

Сходили с подножки мы тоже с интервалами – последнему даже приходилось спрыгивать на ходу, но этот как раз и чувствовал себя самым искушенным. Дальше мы тоже двигались отдельно, соединенные лишь воображаемой сетью, которую протаскивали сквозь толпу, которая по мере нашего приближения к пыльному плоскогорью барахолки становилась все тесней.

Голоса, запахи, дух азарта. Все тут возбуждены были не меньше нас – поэтому так влекло нас сюда каждое воскресенье. Откуда взялись все эти детали, инструменты, пестрые мотки проволоки, янтарные глыбы канифоли и мутно-серебристые палочки олова, разложенные прямо по земле на газетках или клеенках? Это была добыча вольных, смелых людей, всю неделю притворявшихся на своих фабриках и заводах забитыми и покорными. А на самом деле – вот мы какие! Не лыком шиты! Всё, с чем мы имеем дело на производстве, нам и принадлежит! И если захотим, мы можем это продать, или обменять, или, если вдруг такая прихоть найдет, просто отдать хорошему человеку! Мы – не рабы! Мы вольные, хитрые, успешные люди. Мы все делаем, как надо нам! Для этого праздника все и собирались сюда – для того же рвались сюда и мы, затюканные, как и весь народ всю неделю, и только тут вольные и рискованные. Нам, правда, предстояло еще это доказать. Кто первый?

Мы, переглядываясь, чертим извилистые трассы в толпе, среди высоких спин, потом я, задохнувшись от отчаянной решимости, сажусь на корточки над ковром, усыпанным драгоценностями – пестрыми, блестящими, загадочным радиодетальями. Особенно великолепны радиолампы – даже их названия волнуют своей неразгаданностью: 2Ж2М, 5Ц4С – код какой-то далекой, недостижимой страны!

Никакие кольца и ожерелья в витринах на Невском не возбуждали так, как сверкающие башенки и даже дворцы в стеклянных колпаках радиоламп. Между теми башенками летали невидимые облачка таинственных электронов, преобразуясь, разделяясь и соединяясь – и волшебная эта лампа давала тебе власть над ними. Но чтобы взять эту драгоценность – надо было рискнуть жизнью: если схватят, прежняя привычная жизнь кончится и начнется что-то ужасное.

Некоторые достижения всегда связаны с риском, а иные ничего и не стоят. И будешь жить так всю жизнь: все банальное, общепринятое – не для тебя! Ты проживешь всю жизнь на краю, на обрыве, на грани запретного.

Каково было чувствовать это в юности, еще не зная, зачем тебе выпала такая судьба? Ведь ты же свой среди гладких отличников, школьных любимчиков, ты там прекрасно изображаешь все, что положено, зачем же кинуло тебя сюда? Но ты уже не уйдешь отсюда просто так. Сейчас все решается – хотя я не мог бы сказать, что!

...Посидев на корточках перед драгоценной россыпью – ноги затекли, надо решаться, – я протягиваю руку к драгоценной россыпи и не спеша беру драгоценную лампу, самую велико-лепную – 5Ц4С – загадочный замок в стеклянном колпаке. Некоторое время держу ее в полу-закрытой горсти, словно успокаивая – или, во всяком случае, умиряя пойманного птенца. Нет, не то!

Птенцов я хватал в детстве и держал в кулаке – биение живого хрупкого тельца, которое ты можешь оборвать легким нажимом, страшно волнует. Но не так! Какой-то космический холод той лампы проникает в тебя, и еще неизвестно – ты ее нагреешь или она тебя охладит. Но – она нагревается, становится твоей! Дальше давай!.. – отчаяние ударяет в голову: пока ты еще сидишь на корточках, ты еще не погиб. Ты еще на краю бездны. Многие вот так же сидят, разглядывая лампы, потом платят и берут или кладут их обратно. И только тебе почему-то другое предстоит!

Медленно разгибая ноги выпрямляюсь. Колени сладко ноют при этом. Хозяин драгоценностей вроде не видит меня, спорит с кем-то. Но вдруг он помнит меня, держит в памяти, сейчас окликнет – и все? Я делаю первый деревянный шаг... второй. Потом еще несколько шагов, уже торопливых и, оказавшись за стеной из спин, опускаю пойманную лампу в карман. Толпа друзей немо набрасывается на меня, тихо треплет, выражая восторг, словно команда глухонемых, забившая гол. И мы, усталые, уезжаем с барахолки.

Как тонка пленка, отделяющая тебя от гибели, как хрупко темечко, защищающее твою жизнь, как опасны тропинки, с которых не свернуть, как опасна и бесприютна жизнь! Чувство это, присущее юности, возникает во мне всегда, когда я подхожу к Московскому вокзалу, чтобы уехать и опять попытаться что-то в жизни изменить. Вдаль уходит сумрачная Лиговка, навсегда связанная у меня с какой-то сладкой тревогой.

Вокзал спасал

Вокзал спасал меня много раз. В дни бесприютных любовных скитаний, когда, казалось уже, что всю любовь выхлестал ледяной порывистый ветер, последним спасением был вокзал. Запахи жизни – мокрой, распаренной в тепле одежды, пригорелой еды, липкого теплового кофе наполняли, поднимали дух – и дух измученной спутницы, тела наполнялись истомой, предвещающей блаженство, глаза – весельем и страстью. Люди стремительно приходили и уходили, всеобщий азарт движения, гул, неразборчивые слова диспетчера, названия дальних городов вселяли энергию и надежду. А раз и мы на вокзале, значит, тоже куда-то двигаемся, собираемся что-то изменить. Вагоны вдоль сумрачных платформ – как корабли из другого мира, из другой жизни, и всегда можно, если тут станет невыносимо, сесть в них, спрятаться в полумраке, уплыть.

Помню, в семидесятые годы, когда нас, загульных писателей, к ночи выставляли из всех наших мест, последним пристанищем в этом городе становился буфет знаменитого поезда «Красная стрела». Там всегда было весело, празднично. Знаменитые артисты запросто чокались со случайными попутчиками, радостные отъезжающие и растроганные провожающие иногда в упоении путали роли. И не раз мы с коллегами, не желая покидать этот праздник, продлевали его до Москвы – в буфете не проверяли билетов. А еще почему-то считается, что в те годы неинтересно было жить!

И теперь Московский вокзал остался самым чутким барометром моей жизни. Кто я? Чего я достиг? Здесь особенно ясно и пронзительно это чувствую. Крутые изменения в моей жизни и жизни многих моих коллег здесь всего наглядней. Кажется, не так уж давно я ездил в столицу исключительно на «Стреле», любил торжественный проход по празднично освещенному перрону среди городских знаменитостей. Теперь все чаще уезжаю с темных крайних платформ на дешевых ночных поездах. Но вовсе не считаю, что проиграл свою жизнь. Наоборот, чувствую, что не упустил ее, не потерял ее вкуса.

Скользкий темный перрон, половина второго ночи – время, когда все уважающие себя люди уже спят, а по грязным улицам и платформам пробираются лишь несчастные, обделенные судьбой. Ну и что? Разве это не жизнь? Это – жизнь, и причем – очень многих, и ничуть не менее значительная, чем жизнь «парадная».

Плацкартный вагон сначала кажется темной, душной, пахучей пучиной, полной напряжения, натужных усилий, неразберихи и вздора. Вот она, моя теперешняя реальность! Вспоминаю с тоской ковровые дорожки «Стрелы», крахмальную чистоту уютных купе, солидных, корректных попутчиков. Все это, увы, в прошлом!

А тут – нет никаких купе, чтобы закрыться, отделиться от буйной стихии. Я – в гуще ее, тут все вместе и вперемешку. В первом отсеке гортанно переговариваются кавказцы, по своим загадочным делам едущие почему-то именно этим поездом. Второй отсек, где должно быть мое нижнее место, наглухо забит клетчатыми клеенчатыми сумками, даже не протиснуться туда. Ими буквально приплюснуты к сиденьям две хрупкие женщины интеллигентного вида. Тьма и теснота. Кто устроил бедным женщинам эту пытку? Они же и устроили: тюки их.

– Как бы тут сесть? – устав стоять, спрашиваю я. Женщины лишь беспомощно улыбаются: а как?

Сзади меня уже тычут в спину гитарами нетрезвые наглые юнцы:

– Давай, батя, проходи! Уснул, что ли?

Неожиданно на помощь измученным женщинам приходят кавказцы. С грубоватыми шутками (вай-вай, такие женщины – и без мужчин!) они распахивают большие, но мягкие узлы по верхним полкам, по темным углам. И открывается моя узенькая полка, и можно, наконец, лечь, вытянуться и почувствовать блаженство и облегчение. Эта полка в темном купе – единственное теперь место, где это возможно. Питерские заботы уходят (уехал от них!), московские еще не гнетут (маленько подождут) – и вот здесь, сейчас, невидимый ни кем, я спокоен и счастлив. Глаза привыкают, начинают разбирать окружающее в деталях. Да еще зажигается тусклый свет и становится видно все! Здесь весь вагон – мое купе, все мое. И какое разнообразие лиц, запахов, разговоров – по сравнению с чопорным однообразием дорожных поездов. Да – с удовлетворением понимаю – правильно распорядилась судьба, засунув меня сюда! Спасибо ей за это.

Женщины, более-менее свободно вздохнув, зашуршали пакетами. Потекли запахи: курочка, соленые огурцы. Какое счастье – вдыхать запахи, даже не есть. Дернувшись, вагон трогается. Скрип растягиваемых пружин между вагонами воспринимаешь с блаженством, словно сам сладко потягиваешься. Полутьма. Тихие уютные разговоры. И – счастливое ощущение: ты

находишься среди своих! А где, собственно, ты и должен находиться? Именно тут! Ты свое место нашел! Можешь не беспокоиться. Именно тут ты чувствуешь это всего полней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.